

Пролог

Над Боспором Киммерийским поднималось солнце, заливавшее улицы Пантикапея¹ розовой кисеей.

В утреннем сиянии, окутавшем город, вились улицы с белеными домами под красной черепицей крыш; вставала из мрака громада дворца на акрополе — обветшалого, но все еще по-варварски пышного... Из того же мрака поднимались, словно рождаясь на свет, и становились видимыми застывшие в грозной неподвижности тяжелые башни цитадели. И синела гладь бухты. Уж она-то точно была сейчас ярче всего вокруг...

А еще с восходом солнца город, кроме цветов, наполнили звуки: лязг отодвигаемых засовов и отпираемых замков, крик водоносов, скрип телег. Следом пришли дневные запахи выдубленных кож, угля и накалившегося металла из кузниц, тяжелая вонь сукновален и перебивающий все дух соленой рыбы — главной пищи бедняков.

В гавани застыли понтийские биремы со свернутыми парусами — жалкие остатки некогда грозного флота. У пирса нелепо высился флагман — трехпалубная «Амфитрита», — и канаты, заведенные за причальные камни, казались волосяными узами, какими пигмеи связали циклопа. Рядом, как мышата вокруг уснувшего кота,

¹ Пантикапей — древнегреческий город, основанный в конце VII в. до н. э. выходцами из Милета на месте современной Керчи.

сгрудились мелкие кораблики: хеландии из Диоскурии¹ и Ольвии², камары гениохов³, привезших на продажу шкуры и меотийский сыр...

А чуть поодаль внушительно, *по-хозяйски* расположилась пара судов, уступавших размерами только «Амфитрите»: римские онерарии прибыли за пшеницей. Понтийское зерно сильно упало в цене, ибо покупателей нет, вот и пожаловали волки на добычу.

Покамест оно бессмысленно гниет в амбарах или идет на праздничные раздачи беднякам, что для казны еще бессмысленнее; но грядет царский указ — и сразу после него станет понтийский хлеб для римлян золотом...

Агора, главная площадь, была шумна и бурлива, как в прежние, много лучшие времена. Торговцы разложили товар на столах или прямо на камнях, подстелив ветхое рядно, но охотников продать было куда больше, чем купить.

Гончары, в чьи руки и фартуки въелась красная глина, отдавали товар почти задаром. Грустили и писцы — тощие и бледные, как мыши, что в библиотеках грызут с голoduхи папирусы: мало кто сейчас пишет прошения, а уж желающих заказать свиток с поэмами Гомера или озорными стихами Анакреонта и вовсе почти нет.

Шатались взад-вперед безработные моряки в истрепанных синих хитонах. Немало было и калек: у кого нет

¹ Диоскурия — старейшая древнегреческая колония на Черноморском побережье Кавказа. Известна с VI в. до н. э.

² Ольвия — античная греческая колония, основанная выходцами из Милета в первой четверти VI в. до н. э. на правом берегу Днепробугского лимана к югу от современного Николаева и современного села Парутино Очаковского района Николаевской области, Украина.

³ Гениохи — древний народ, населявший северо-восточный берег Понта (область в Малой Азии).

ноги, у кого — руки... а вот этому повезло, он лишился только трех пальцев, но меч ему больше не держать, ложку тоже.

Война... Проигранная война.

Только одна примета любого эллинского города оставалась неизменной: великое множество бездельников-философов, ищущих, кто бы угостил их разбавленным вином и кефалью в обмен на умную беседу. Сейчас главной темой таких бесед были предсказания. Из уст в уста передавалось, что шаманы тавров сулили великие бедствия и «падение большой головы». Но другие вспоминали, что огромная багряная комета, взошедшая на небесах в день рождения базилевса Митридата-Диониса, предвещала ему, согласно мнению всех звездочетов, семидесятилетнее царствование, великие войны, а под конец — его власть над четвертью Ойкумены. Так что царь будет править и воевать еще десять лет.

Внимание публики вдруг ненадолго отвлеклось: агору пересекали всадники.

Первой ехала женщина, нестарая еще и красивая, не смотря на тяжелые складки у рта. Женщин верхами Пантикапей видел, хотя и нечасто, но эта была не из степнячек, что иногда пригоняли стада в город.

Стан всадницы покрывала шитая золотом мужская одежда: персидский кафтан, не скрывавший высокой груди, шаровары, сапоги синей кожи и высокая шапка. При седле болтался сверкающий сталью топор с хищно выгнутым лезвием. Конь под ней был не парфянский нисеец и не громадный пафлагонский жеребец, а мохнатый коротконогий приземистый гагр. Правильный выбор для понижающего человека: в городе этот некрупный поворотливый конек — то, что нужно.

Позади предводительницы ехали двое: седая, но еще крепкая одноглазая сарматка в римской чешуйчатой лорике¹ и юный лучник.

Первую женщину провожали взглядом, узнавая. Кто-то визгливо бросил в спину: «Царева подстилка!» Но ни она, ни спутники даже не обернулись.

Остановившись у добротной приземистой лавки менялы, женщина ловко спрыгнула наземь. По правде говоря, царской жене не полагалось находиться наедине с торговцем или купцом, да и вообще разгуливать по городу без положенной свиты. Но сейчас даже сам грозный царь не мог бы попенять ей, ибо в полутьме лавки навстречу женщине поднялся тот, кого мужчиной в Пантикапее не называли. Это был евнух, причем такой, словно бы только что сошел с театральных подмостков, где «маска евнуха» вот уже которое поколение веселит зрителей: низенький, жирный, с засаленными волосами и сонным взглядом, но при этом румяный, как спелое яблоко.

— Какая честь! Что угодно достойнейшей госпоже Гипсикратии? — согнулся он чуть ли не в пол.

(«Ну кто же не знает меня в этом городишке, дряхлом, как хлев самого Аида?» — мысленно улыбнулась гостья.)

— Зачем вообще ходят к меняле? — На сей раз она сопроводила улыбку словами. — Хочу получить немного денег под залог. Дочь моя скоро выходит замуж, а приданое царской дочери должно быть достойно отцовского имени.

— Ох, госпожа! Ты просишь у нищего! — Толстячок расплылся в приторной вежливости. — Сейчас многие просят в долг: несут родовые украшения, пишат закладные на земли и усадьбы... Многие хотят взять в долг, но

¹ Лорика — доспех, покрывающий торс воина.

мало у кого есть деньги... А вот если ты желаешь что-то купить к бракосочетанию, я охотно помогу. Как раз вчера вдова лохага¹ Эпаменида принесла чудесные золотые серьги индийской работы. Ее предок взял их в самом Персеполесе, и теперь несчастная продает его наследство, чтобы прокормить детей. Но я не смог дать больше пяти мин². Хотя столь высокой госпоже отдам всего лишь за четыре, если...

— На этот счет не беспокойся, у меня хороший залог. — Гипсикратия, снова улыбнувшись, протянула ему перстень, вытщенный из кошелья.

Скопец поднес его к глазам — и из румяного вдруг стал белым. Оглянулся зачем-то сперва на дверь, затем на короткий меч на поясе гостыи.

— Не шуми и не вздумай обделаться! — прошипела она. — Я на вашей стороне.

— А... а... — Собеседник царицы хватал ртом воздух, не в силах договорить.

— Поликрат решил все рассказать царю, — не разжимая зубов, процедила Гипсикратия, — но хотел сделать это сам, без посредников, чтобы получить как можно больше. Подумал, что я помогу ему добраться до Митридата и стать царским спасителем. Благодарю Апатуру и своего Зевса, что так вышло!

— Поликрат... — просипел ее собеседник. — Поликрат...

— Я позаботилась о нем: он ничего никому не расскажет, — сухо продолжила женщина.

— Госпожа... — Евнух явно не знал, что сказать. — Достойнейшая...

¹ Лохаг — командир одного из подразделений спартанской, афинской и македонской фаланг.

² Мина — денежно-счетная единица Древней Греции.